

Главное ощущение — он очень-очень хочет нам понравиться. В какой-то момент даже неловко стало — вроде не последний человек сидит напротив меня, можно сказать, мировая музыкальная величина сидит, поглощает салат и изю всех сил убеждает: он так старался, так старался именно для нас, для русских.

Жан-Мишель Жарр задержался в Москве. У него съемки. Сейчас он спустится к завтраку, а пока его помощница Фиона торопливо рассказывает: через два часа у них встреча со студентами МГУ. Жан-Мишель хочет их поблагодарить. Они очень стойко перенесли его присутствие в университете.

И тут заходит ОН. Кра-савец! Весь такой улыбочивый, обаятельный, в ярко-оранжевой курточке. Сияет, как апельсин. Фиона продолжает: целых десять дней, нет — семь дней перед шоу Жан провел на концертной площадке. 23 часа в день, час на сон. Я стремительно подрастаю возрастом героя. Получается 49. Опять подсчитываю — опять 49. Надо же, думаю, какой выносливый мужчина!

Мсье Жан-Мишель. — 1957. — 12 смт. — с. 11.

— Так что там со студентами? Говорят, во время шоу в каждой жилой комнате стоял милиционер и следил, чтоб, не дай Бог, там не включили свет...

Ф.: Нет-нет. Милиционеров не было. Жан-Мишель договорился со студентами, объяснил концепцию концерта и попросил, чтоб они все сделали. Их никто не контролировал, они сами выключили свет, занавесли окна. Они поняли искренность намерений Жан-Мишеля и проявили чудеса дисциплины. Хотя он им мешал спать несколько ночей перед шоу, потому что репетиции продолжались непрерывно. Это был концерт специально для Москвы, он хотел работать для русских и вместе с русскими. И обязательно — на большом общенациональном празднике.

— Жан-Мишель, мне уже немного рассказали о том, как вы провели время в Москве. Но хотелось бы и от вас услышать.

— У меня такое впечатление, что я нахожусь здесь уже очень долго. Гораздо дольше, чем на самом деле. Я столько успел сделать за эти две недели. Перед концертом было невероятное количество проблем — технических, организационных, языковых, психологических и, конечно, творческих. Только столкнувшись со всеми этими проблемами одновременно и решив их, можно было прийти к тому результату, которого я добился. Когда я оглядываюсь назад, я просто не представляю себе, как в таком огромном мегаполисе, как Москва, в условиях катастрофической нехватки времени мы смогли рассчитать все до минуты. Все шло секунда в секунду, как мы запланировали. Я был поражен и очень доволен, что такое возможно в Москве.

— Ну и как? Вам понравилось работать с русскими?

— Да, да! Я музыкант, и в первую очередь меня интересует музыка. Но когда я готовлю такой проект, который был заказан городом, я сам занимаюсь и сценарием. Я сам занимаюсь всем. А затем работаю с командой, которой я доверяю исполнение. На Воробьевых горах я ежедневно работал с русской командой. И был приятно поражен их необычной манерой работать. Мне многие говорили: "Ты что, дурак? Кого ты выбрал — русская команда, тем более техники — они будут постоянно пьяные". Но на самом деле они здорово работали, и что еще я заметил — они не были готовы к тому, что я буду с утра до вечера на площадке, что я буду завтракать и ужинать вместе с ними. Они думали, что я там появлюсь один раз — и все.

— Если вы всем занимались лично, расскажите, где вы взяли эти картинки, которые были на стенах МГУ? В библиотеке, что ли, сидели или выбирали из предложенных вам вариантов?

— Я их сам нашел — в книгах. Я ведь готовил это шоу полтора года. Еще мы работали с русскими друзьями в Париже, они нам в этом помогли. Я не хотел делать из этого шоу что-то исторически-познавательное, я не претендовал на рассказ о русской истории. Что я хотел сделать — так это найти главные моменты в истории города и те события, которые больше всего повлияли на русский народ. У меня такое впечатление, что все современное искусство, все мы — и я тоже — находимся под влиянием русской культуры. Я не имею в виду только модерн, абстракционизм, Малевича. Я говорю об искусстве в целом. Сколько было сделано в первую советскую эпоху — Александр Родченко, например! Реклама в Америке и в Европе, многие видеоэффекты родились под влиянием русских художников. Родченко в графике и в видеодизайне — это то же, что Эйзенштейн в кино.

— Откуда вы знаете столько русских слов?

— Мой прадедушка был русским. Я его никогда не видел, так что мне это звание присвоили, а вообще. Это прекрасно, что я смог реализовать то, что давно вынашивал в себе. У меня такое чувство, что здесь, в Москве, я как у себя дома. А так как я очень люблю русских женщин, для меня двойное удовольствие тут находиться.

— Каким образом вам удается сохранять столь цветущий вид?

— Это, наверное, потому, что я нахожусь в равновесии между дьяволом и Богом.
— Может, у вас есть особые диеты или вы спортом занимаетесь?
— Я понимаю, что это может меня дискредитировать, но я совершенно не занимаюсь спортом

Жан-Мишель Жарр:
"Я готовил это шоу
полтора года"

БРЮНЕТ В ОРАНЖЕВОМ ПРИКИДЕ

и никаких диет не соблюдаю. Думаю, что мой внешний вид — это у меня наследственное. Моя мама, которая, кстати, тоже была на концерте в Москве, тоже очень молодо выглядит. Я в нее пошел. И потом, видимо, я так хорошо выгляжу, потому что люблю то, что делаю, я от этого не устаю. По крайней мере моя усталость не отражается на лице. Этот проект, который я здесь осуществляю, — это как бы детский сон, мечта ребенка, которая воплотилась. В каждом из нас живет ребенок, но жизнь всегда пытается его убить. Очень сложно сохранить в себе дитя. Мой проект — он даже на бумаге был нереальным. И многие люди говорили мне: это невозможно, ты этого не сделаешь, это слишком сложно. И потом — зачем вообще это делать? Но я считаю, что главное — таким вопросом самому не задаваться. Вы должны оставаться ребенком, может быть, даже больше, чем другие. И иметь много энергии, чтобы что-то получилось. И потом, водка тоже очень помогает, между прочим, преодолевать трудности.

Многозначительно улыбаясь, он ждет моей реакции. Я получаю перевод и реагирую — понимаю. Еще бы — гость чтит национальные ценности.

— Сколько времени вам удается проводить дома, и как он выглядит — ваш дом?

— Скажу честно: не очень-то много времени я там провожу. У меня есть дом под Парижем, но часто даже нет возможности заглянуть туда между поездками. У меня есть еще и квартира в Париже, и когда я не успеваю доехать до загородного дома, я остаюсь в парижской квартире. Я часто разъезжаю, могу жить и в Англии, и в Италии, очень много мест, где я могу остановиться. И мне бы хотелось побольше времени пожить в России, в Москве.

— Если вы постоянно путешествуете, наверное, есть у вас какие-то маленькие капризы. Предметы, без которых вы не желаете обходиться в отелях. Барбара Стрейзанд вон принимает туалетную бумагу только персикового цвета, еще кто-то велотренажеры себе в номер требует...
— В общем-то, каких-то особых причуд у ме-

ня нет. Единственное — я никогда не пускаюсь в путь без специальной машинки для приготовления эспрессо (как объяснили мне люди сведущие, это не просто кофеварка, а нечто суперкачественное. — К.П.). Она всегда у меня с собой. В Европе эспрессо не проблема, там всегда можно найти хороший кофе. Но, например, когда я еду в Америку, кофе там — просто ужас. И моя машинка всегда меня выручает.

— Ваша музыка собирает огромные толпы народа на улицах, но ее же считают и музыкой для секса, для двоих. Как вы считаете, в какой обстановке она более уместна?

— Музыка действительно может восприниматься совершенно по-разному. Это правда, что моя музыка не предназначена для большой массы народа. То, что происходило на Воробьевых горах, — это, конечно, шоу — с огромными цитатами, графическими изображениями, это для большой тол-

хоть как-то проясните ситуацию?

— Нет, пресса была неправа. Мы с женой все не собираемся жить отдельно или что-то в этом роде. У нас три ребенка — Давид, Эмили и Барнаби. Жена моя — английская актриса Шарлотта Рамплинг. Мы, к сожалению, очень редко видимся, я постоянно где-то далеко, она тоже много работает. Иногда, конечно, удается побыть вместе, когда работа позволяет.

— Вокруг вас наверняка много женщин, которые вас атакуют. Как вы защищаетесь от чрезмерного женского внимания?

(Он заливается смехом):

— Это зависит!!! Но, между прочим, иногда я вовсе и не защищаюсь.

— Что за фильм вы сейчас снимаете в Москве?

— Я снимаю два фильма: один — о московском концерте, другой — это как бы мой портрет,

пы. Но собственно музыку каждый может воспринимать по-своему. И я рад, если под нее кому-то хорошо наедине с любимым человеком.

— У вас такое медитативное шоу — как мираж или галлюцинация. У вас был опыт употребления наркотиков?

— Да, у меня был опыт с наркотиками, но он был совершенно не связан с творчеством. Музыка, действительно, когда-то была связана с наркотиками и алкоголем. Эти способы помогают убрать все барьеры, стать совсем свободным. Если было бы возможно снять какое-нибудь древнее племя, а потом современную молодежь на райве, и посмотреть — большой разницы не было бы. У людей всегда было некое физиологическое и чувственное отношение к музыке. Сейчас опять вернулись все эти татуировки, пирсинг на лице — люди как бы хотят показать, что они все из одного племени, они возвращаются к прошлому, к первобытности. Но для меня и наркотиков, и алкоголь никогда не были стимулом для творчества. Кто-то утверждает, что именно так можно создать настоящий шедевр. Но это было бы слишком просто — съел утром пиллолу, пошел и создал прекрасную песню.

— Меняется мода, направления, течения, музыкальные стили, а вы — как бы в стороне, вы не меняетесь. Почему?

— Я искренне уверен, что артист должен создать какой-то свой стиль, воплотить свою идею. И повторять ее все время, всю жизнь. Как ремесленник, который делает столы, всегда одни столы. Но вдруг ему приходит в голову некое озарение — и он делает шедевр, а не просто стол, которых он сколотил сотни. Так, например, Джон Леннон на протяжении многих лет писал одну и ту же песню, и в конце концов она стала великопленной и облетела весь мир. Надо делать одно и то же, гнать свою линию в музыке, сохраняя собственный облик, обогащать и улучшать его. Тогда ты не затеряешься в неожиданных веяниях и будешь модным, тебя не забудут.

— Я уже знаю, что вы не хотите отвечать на личные вопросы, но все же... Столько ходит разговоров о том, что вы собрали вещи и ушли от жены к другой женщине. Может, вы

моя работа, моя музыка. Я решил сделать этот фильм в России, чтобы он производил немножко шпионский эффект. В атмосфере расследования КГБ. Там будет очень много людей, которые высказывают — что этот француз делает в Москве, чем он занимается с его этой странной музыкой, с огромной командой людей. А я провожу свое исследование, ищу один очень известный инструмент. В двадцатые годы это был первый электронный инструмент, его изобрел русский, и я ищу его следы в Москве.

И я сейчас скажу вам еще одну вещь: мой московский проект — это очень особенный для меня проект. Средства массовой информации сообщали, что на концерте было три миллиона человек. С одной стороны, мне это доставило огромное удовольствие, но с другой стороны, меня не покидает чувство, что это не только мой успех. Сейчас в Москве происходит то же самое, что 15 лет назад происходило в Токио. Общий подъем и расцвет. И люди пришли, чтоб не только посмотреть на меня, но и чтобы посмотреть друг на друга, побыть всем вместе в этот день.

Я хочу сказать, что я верю в них, я думаю, что многие открытия и ответы на самые сложные вопросы будут даны именно в России. Иногда я нахожу, что европейцы — французы или англичане — они как старые девы, которые смотрят на мир через стекло. А в России все обострено, оголено, может быть, грубовато, но здесь все очень жизненно, очень реально...

Он еще долго и убедительно рассказывает, а я — благо, что по-французски ни бельмеса — понимаю кивая и улыбаясь изо всех сил. Погружаюсь в свои девичьи грезы: какой же он все-таки милый. Вспоминаю собственные восторги по поводу шоу. Потом строгие критики, искусственные в музыке, оценят его беспристрастно.

А я — пристрастна. Я с детства люблю салюты. И вообще я особа впечатлительная, особенно когда передо мной такой красивый дяденька.

Катя ПРЯНИК.
Фото Кати ГАЙКИ.